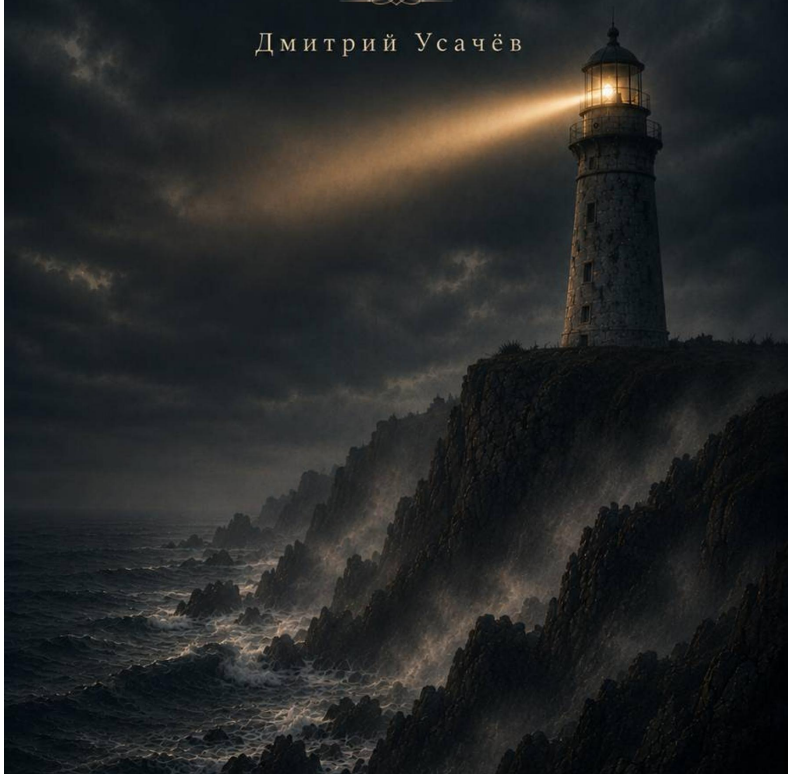

Н О В Е Л Л А

Ты есть

— ∞ —
Дмитрий Усачёв

Дмитрий Усачёв

Ты есть

<https://litres.ru/74313302>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он живёт по расписанию, а она — по течению, и это оказалось сильнее всего, что между ними было.

Книга о самой несправедливой правде: любовь не отменяет того, кто мы есть.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Дмитрий Усачёв

Ты есть

Глава

Часть первая

Шум прибоя. Фарэл, смотритель маяка, привык к этому шуму как к собственному дыханию.

Океан никогда не повторялся: сегодня спокойный, завтра уже ревет и бьется о скалы. Но маяк стоял твёрдо.

У Фарэла был свой распорядок, отточенный до автоматизма.

Его день начинался с обязательной проверки дизель-генератора, который был страховкой на случай, если отключат береговое электричество. Фарэл проверял уровень топлива и масла.

Следующим был пульт управления: щитки с приборами, автоматика проблесковых огней. Фарэл сверял их работу с регламентом.

Потом доходила очередь до тифона — туманной сирены. Даже в ясную погоду он проверял её, потому что знал: туман придёт, и она должна заговорить без заминки.

Радиомаяк с цифровой аппаратурой, передающей короткие пакеты данных в эфир, тоже требовал внимания.

Потом Фарэл поднимался в световую комнату, где покоилось сердце маяка — линза. Огромная, многоярусная, из хрусталя и бронзы. Её вращал бесшумный электродвигатель, Фарэл каждое утро проверял его работу и крепления. Затем проходил по граням линзы мягкой замшей — осевшая за ночь соль и влага крали драгоценные доли света. Вдоль оптической оси горела цепочка ярких светодиодных ламп. Одна перегоревшая — и свет маяка уже не тот, не полной силы. Поэтому он проверял их все.

В рубке его ждал толстый журнал учёта в потёртом переплёте. Фарэл аккуратно вписывал туда направление и силу ветра, давление, видимость в баллах. Эти цифры потом уходили в метеосводки — их слушали капитаны судов.

После обеда — обход бытового хозяйства: смазать петли, проверить запасы топлива и продуктов, осмотреть антенну.

И так каждый день. Сегодня, завтра, через год.

Для Фарэла здесь всё было предсказуемо. Приливы сменялись отливами, ветер стихал или срывался в шторм. Но маяк стоял. Каким бы ни был океан, он знал, что должен делать. Сейчас, завтра, через год.

Рано утром, ещё солнце только начинало золотить край неба, он вышел на галерею маяка с кружкой кофе.

Ветер тянул с запада, пах водорослями и холодной глубиной. Фарэл сделал глоток, прищурился. Светлые брови по-

что сливались с кожей на его лице, обветренном, с мелкими морщинами у глаз.

Он посмотрел вниз. Там, у скал, кто-то был. Девушка в светло-сером дождевике наклонялась к воде. Из-под капюшона выбивались светлые волосы — почти белые в утреннем свете. Она была миниатюрная, быстрая, точная, и от неё даже издали веяло чем-то таким, от чего Фарэл на секунду перестал дышать.

Он глотнул кофе, ощутил его горечь на языке, поставил кружку на перила. Подумал секунду, взял вторую кружку, термос с кофе и спустился по лестнице.

Камни были скользкими после ночного прилива. Он шёл осторожно, обходя лужи. Подошёл почти вплотную — она не слышала, потому что ветер дул с моря.

— Кофе? — спросил он, протягивая кружку.

Она резко выпрямилась, повернулась. Глаза цвета мокро-го камня смотрели настороженно.

— Спасибо, — сказала она, взяла кружку и сделала глоток.

— Что Вы здесь делаете? — спросил он.

— Отлив, — сказала она коротко. — Нужно отобрать пробы в трёх точках, пока не пришла вода. Эстуарий, зона смешения. Измеряю солёность, потом в лаборатории проверю нитраты, фосфаты.

— А вы кто? — спросила она. Смотрела прямо, без улыбки.

— Смотритель маяка. Фарэл.

— Илия, — сказала она. — Гидролог.

Она сделала ещё глоток, вернула кружку.

— Недавно здесь? — спросил он.

— Третий день. Научная база выше по течению, в лесу.

— И сразу к скалам?

— Отлив хороший, — она кивнула на обнажившееся дно, опустила пробирку в воду, вытащила, поднесла к свету. — Граница смешения здесь интереснее, чем у реки. Можно сравнить солёность в разных точках.

Он посмотрел на её пробирки, на прибор. Она перелила воду во вторую пробирку, записала что-то в планшет.

— И часто так — вставать ни свет ни заря?

— Я привыкла. Отлив не спрашивает, выпалась я или нет, — пошутила Илия.

— И я привык, — сказал Фарэл. — Линзу проверять нужно.

— Мутноватая сегодня, — сказала она, снова глядя на свет сквозь пробирку. — Ветер мутит.

— Ветер с запада, — сказал Фарэл. — К обеду стихнет.

Она подняла бровь.

— Как Вы определяете погоду?

— По облакам, — он показал рукой на небо. — И по линзе. Свет иначе идёт.

— У воды тоже есть своя погода, свое настроение. Но никогда не угадаешь.

Она посмотрела на пробирку, покачала её в руке, убрала в рюкзак и застегнула молнию.

— Спасибо за кофе, — сказала она. — Завтра отлив будет пораньше на час.

— Тогда и кофе будет пораньше на час, — пошутил Фарэл.

— Хорошо, — сказала она, посмотрела на него, улыбнулась, поправила дождевик и ушла.

Фарэл остался стоять. Потом посмотрел на пустую кружку в своей руке. Ветер всё так же пах солью и водорослями. Где-то крикнула чайка. Он улыбнулся и пошёл наверх — проверить линзу.

Часть вторая

Прошло несколько дней с той первой утренней встречи, а Фарэл уже не представлял своего утра без неё.

Он просыпался затемно, когда в узкое окно кубрика только начинал пробиваться серый рассветный свет. Варил кофе — всегда чёрный крепкий. Потом спускался по винтовой лестнице и выходил на камни.

Илия приходила всегда с одной стороны — из леса, по тропе. Он видел её ещё издали: быстрая, лёгкая, дождевик распахнут настежь, светлые волосы выбиваются из-под капюшона и мотаются по ветру. Каждый раз, когда её фигура появлялась из-за поворота, Фарэл чувствовал одно и то же:

тепло в груди, будто кто-то разжигал там камин.

Она подходила, молча протягивала руки к кружке. Делала глоток, щурилась от горечи, потом вздыхала — с облегчением, с удовольствием — и улыбалась.

— Твой кофе — это единственное, что может разбудить меня раньше отлива, — сказала она однажды.

Он не нашёлся, что сказать. Просто стоял рядом, смотрел, как она опускает пробирки в воду, переливает, записывает показания в планшет. Говорили о погоде — ветер сегодня с севера, туман поднимется к полудню, прилив будет высокий. О работе — её станция в лесу, его маяк. Ничего личного. Только вода и свет.

Но после расставания, когда он поднимался на галерею, а её дождевик уже исчезал в лесной чаще, он доставал телефон и писал коротко: «Дошла?» И она отвечала всегда одинаково: «Да. Спасибо за кофе».

Вечерами он сидел в рубке, перечитывал эти сообщения, и ему казалось, что между ними уже что-то есть — ниточка, паутинка, которая протянулась через утренний туман и держалась на одном только слове «спасибо».

На следующий день Илия пришла, открыла рюкзак и достала сверток, перевязанный бечёвкой.

— Что это? — спросил Фарэл.

— Открывай.

Он развязал узел. Тёплый, густой запах корицы, яблок и

выпечки ударил в лицо. Пирог — ещё горячий, рассыпчатый, с золотистой корочкой.

— Сама пекла? — спросил он.

— А кто ещё? — она усмехнулась. — На базе есть духовка. Газовая, старая, капризная. Но иногда я её уговариваю.

Он отломил кусок пальцами. Сладко, тает во рту, яблоки чуть кислят, тесто рассыпается и пахнет детством. Он закрыл глаза.

— Боже, — сказал он. — Это невероятно.

— Я умею только пироги. И то один рецепт.

— Хватит одного.

Она смотрела, как он ест, улыбалась. Он поймал её взгляд и вдруг почувствовал, что хочет сделать ей приятно в ответ. Не потому что «должен», не потому что «так полагается». Просто — хочется.

На следующее утро он спустился к скалам с термосом и маленькой картонной коробкой. Илия подняла бровь.

— А это что?

— Открывай.

Она сдвинула крышку. Внутри лежали ягоды клубники, покрытые тёмным шоколадом. Крупные, упругие, чуть присыпанные сахарной пудрой.

— Где ты взял?

— В городе. Там есть магазин.

— Ты специально ездил?

— Да, — просто сказал он. — Я хотел тебя порадовать.

Она взяла одну ягоду, поднесла к губам, откусила. Шоколад хрустнул, брызнул сок. Она облизала пальцы — медленно, не глядя на него. Фарэл отвёл взгляд к морю.

— Ты умеешь ухаживать, — сказала она.

Он ничего не ответил. Просто протянул вторую ягоду.

В те дни они переписывались всё больше. Вечерами, когда он уже проверил линзу и лёг в кровать, а она сидела на крыльце своей базы и смотрела в тёмное небо, экраны их телефонов светились в тишине.

«Ты любишь свою работу?», — написал он однажды.

«Очень. Вода каждый день разная. Это как разговор с живым существом. Ты задаёшь вопросы — она отвечает. Но не всегда так, как ты ожидаешь».

«А я люблю, чтобы всё было предсказуемо)). Маяк — хорошее место для такого. Здесь всё по расписанию. Никаких сюрпризов».

«Но я же — сюрприз?».

Он долго смотрел на эти три слова. Потом ответил: «Да. Ты — сюрприз. Неожиданный и приятный))».

Он лёг на спину, посмотрел в потолок. Экран телефона светился рядом.

В субботу она предложила съездить в город. «Просто поужинать. Сменить обстановку». Он согласился — хотя шум

и суэта его напрягали, но с ней было иначе.

Он заехал за ней на базу после обеда. Она ждала на крыльце — без дождевика, в лёгком платье, с распущенными волосами. Он никогда не видел её такой. Без резиновых сапог, без пробирок, без планшета. Просто женщина. Красивая, улыбающаяся.

— Ты сегодня другая, — сказал он.

— Это просто одежда, Фарэл. Под ней я та же.

Они выбрали маленький ресторан на набережной, с деревянными столами и видами на залив. Он сначала напрягался: оглядывался по сторонам, крутил в руках салфетку. Илия взяла его за руку под столом — просто положила ладонь поверх его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.